

18+

EMAI BISUK

Жокеи лошадям за проезд
не платят

ЕМАІ BISuk
Жокеи лошадям
за проезд не платят

<https://litres.ru/74374967>

ISBN 9785007105019

Аннотация

Продолжение романа «Ядрена вошь». Конец 1990-х и начало 2000-х. На фоне перемен, войн и потрясений главные герои — Ирина, Игорь, Алексей и их близкие пытаются найти свое место в стремительно меняющемся мире. Россия, Беларусь, Великобритания, США и Чечня разводят их судьбы по разным дорогам, испытывая на прочность любовь, дружбу и верность. Но смогут ли они преодолеть все испытания и вновь обрести друг друга?

Содержание

Часть 2	5
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Жокеи лошадям за проезд не платят

EMAI BISuk

© EMAI BISuk, 2026

ISBN 978-5-0071-0501-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 2

Жокеи лошадям за проезд не платят

Глава 1

На вопросы родственников о том, как они с Игорем живут, Ирина, будучи девушкой сильной и воспитанной, отвечала уклончиво, ограничиваясь однообразно лаконичным: «Всё отлично». С одной стороны, она не хотела тревожить родных, посвящая их в неприглядные подробности; с другой — не считала нужным выносить на всеобщее обозрение то, что являлось сугубо личным, касающимся только её и супруга, ибо была уверена, что не всякий получает удовольствие от созерцания чужого чистого белья, развевающегося на балконных верёвках, не говоря уже о грязном, имеющем не только скверный вид, но и запах.

Помимо родственников, чета Стаховских, будучи осведомлённой о ситуации в молодой семье Соболевских, выражала беспокойство и регулярно вносила всевозможные предложения о помощи. Но наша героиня, не ощущая, что те произведут сколько-нибудь положительный эффект, с благодарностью отметала все пропозиции и с гордостью заявляла, что во всём разберётся сама, разумеется, не без помощи второй половинки.

И вот однажды, находясь наедине с собой, наша героиня решила, что появление в их с Игорем совместной жизни ребёнка поможет не только наладить семейные отношения, но и перевести их на совершенно новый уровень. Ей почему-то

представлялось, что забота о малыше и его матери заставит мужа измениться к лучшему и поможет наладить разладившийся союз. Вначале Соболевский-старший к этой идее отнёсся без особого энтузиазма. Секса без обязательств и последствий в его жизни было предостаточно, а пелёнки и распашонки, молочные и иные ароматы по всей квартире, постоянные недосыпы и детские вопли как реакция на газики не были, что называется, пределом его мечтаний.

Из этого следовал один вывод: к новому уровню отношений в семье, большей ответственности, а также к отцовским обязанностям и хлопотам он не был готов. Состоявшийся ловелас, дороживший своей свободой, никак не представлял себе счастливую, наполненную иными удовольствиями жизнь в клетке домашнего очага со всей его бытовухой. Но под прессом настойчивых убеждений со стороны Андрея, который к тому моменту уже семь лет был счастливым отцом, Игорь пересмотрел свою позицию относительно рождения потомства. Его взволновало представление о том, как вырастет его рейтинг среди дам и, соответственно, интерес к его персоне. В своих фантазиях он витал на вершине мужских достижений, где его одолевали доселе неведомые ощущения: одно дело — быть просто партнёром в постели, и совсем другое — взрослым мужчиной, добившимся успеха в интимной жизни с видимым результатом на руках.

К тому же он для себя решил: «В конце концов, если родится пацан, будет кому папке за пивом сгонять». Такое на-

строение положительным образом повлияло на его отношение к жене: он стал к ней более внимательным и обходительным. Ну как же — она будет вынашивать, а затем родит ему наследника. Понимание этого привело к тому, что почти угасшая по дороге жизни романтика между супругами стала набирать обороты: ухаживания со стороны Игоря возобновились — он щедро одаривал возлюбленную поцелуями, цветами и подарками, на что Ирина отвечала достойно, не скупясь, награждая мужчину пронзительными ласками и глубокой нежностью.

Нашего героя, однако, надолго не хватило, и чувства к жене стали постепенно угасать. Ощущение живого присутствия плоти в теле супруги с целью большей, чем получение примитивного удовольствия, перестало его возбуждать, а сам секс превращался в обыкновенную механику. Ему требовалось разнообразие, а она не могла постоянно его этим одаривать, и даже мысль о пиве, принесённом отпрыском на опохмелку, уже не грела — скорее, наоборот, охлаждала. Так что через пару месяцев у Игоря появился новый источник физического вдохновения, и это увлечение оказалось столь сильным, что он снова стал надолго пропадать из дома, даже не утруждая себя тем, чтобы уведомить жену. Он считал пустой тратой времени регулярное враньё близкому человеку, к тому же находил сочинение небылиц для отмазок занятим, недостойным мужчины его величины.

Поначалу, по привычке облокотившись на подоконник,

Ирина высматривала его у окна, вглядываясь в светящиеся огни переплетения дорог недалеко от их жилища. Со временем, тщательно проанализировав происходящее, она приняла как аксиому: ждать странствующего рыцаря на коне — безумная идея. Этот наездник, загнав пару-тройку лошадей, без особого разнообразия в своих привычках, ведомый какой-то потусторонней силой, чудом добирался до семейного гнёздышка. Странствия были необычайно заковыристыми: Игорь терял все силы и с трудом доплетался до дома под утро лишь для того, чтобы утолить голод и жажду, немного поспать, переодеться и снова ускакать туда, где ему было хорошо, чтобы опять исчезнуть.

Несмотря ни на что, наша героиня, словно тонкую струйку пламени свечи на ветру, оберегала надежду на то, что всё образуется и что между ней и мужем вновь вспыхнет костёр чувств, как это бывало не раз, и ожидала чуда. Она по-прежнему думала об Игоре и мечтала о том, как они втроём — он, она и их ребёнок — будут весело резвиться на залитом солнцем лугу. Несмотря на привычку быть дома одной, Ирина всё ещё уповала на возвращение блудного мужа и потому готовила ужины на двоих, поддерживая большую квартиру в чистоте и уюте.

Хранить семейный очаг она умела: когда залётный молодец появлялся на пороге, она старалась изо всех сил создать атмосферу душевности и заботы. Ей всегда было чем порадовать его вкус, а наглаженное, бархатистое на ощупь и бла-

гоухающее постельное бельё располагало к буре страсти. Однако это удерживало его ненадолго: утром он без энтузиазма целовал жену в макушку, резко обрывал всё и, поспешно закрывая за собой дверь, бросал вперёд себя никому не адресованное «будь, малыш!» и в очередной раз уносился в жуткую неизвестность.

Однообразие такой модели семейных отношений заставило Ирину переосмыслить свою жизнь. Она перестала дожидаться супруга и переключилась на активную социализацию, которая помогала ей избавляться от удручающих мыслей и самобичевания.

Она всё чаще устраивала душевные посиделки со Стаховскими у себя дома, и казалось, что Алёна с Андреем и дочерью Аней, нередко оставаясь на ночёвку, вовсе не покидали квартиру.

Кроме того, Ирина стала чаще бывать в гостях сама. Единственными в списке её визитов оставались Стаховские. Хотя на тот момент они жили в небольшой квартире, там всегда находилось уютное местечко для неё. Она нередко задерживалась у друзей на несколько дней и почти «прописалась» у них, поэтому со временем стала считать совершенно излишним звонить в дверь — ведь у неё был свой ключ.

Регулярно к Ирине и, как считалось, Игорю приезжали её родители, сестра с мужем и Лиза, реже — Алексей. Дома они практически никогда не заставляли Игоря. На звонки брата он не отвечал, будучи уверенным, что делить им нечего, да и

юнец вряд ли понял бы опытного во всех отношениях мужчину. Ему ни до кого не было дела — что они могли значить для него, когда в его жизни намечались важные перемены? Вырисовывались новые перспективы и возможности, так что он настолько отдалился от родных и друзей, что, казалось, уже воображал себя среди успешных жокеев, мчащихся к победному финишу.

Его новая пассия по имени Белла происходила из большой московской семьи, значительная часть которой ещё в конце 1980-х уехала за границу. Женщина его мечты некогда работала обычным товароведом в ювелирном магазине «Берёзка» на улице Горького и настолько хорошо справлялась со своей работой, что позже, в период перемен, смогла выгодно распорядиться частью имущества и обеспечить себе безбедную жизнь.

Будучи человеком рациональным, она сочла нецелесообразным транжирить нажитое и безрадостно наблюдать за происходящим в столице. Её тётя Циля, покинувшая Москву и обосновавшаяся за границей, уже успела перебраться из Тель-Авива в Лос-Анджелес и, как и полагалось в их дружной семье, пригласила племянницу воссоединиться с ней на американской земле.

Белла была женщиной яркой, открытой и, что называется, в самом соку — в расцвете своих сил и чар. Вот только далеко не каждому мужику, заносимому на её жизненный курс, удавалось это разглядеть и уж тем более оценить по досто-

инству.

Как назло, всех тех, кого волной необузданной страсти прибивало к её роскошным берегам, объединяло одно: людишки они были так себе — мутноватые, шельмоватые, без намёка на вкус, манеры и какую бы то ни было романтику. Попользуются, как водится, её отзывчивостью, хлебосольством и той самой огненной страстью, которая годами пылилась без дела, — и на выход. Ни принять её любовь, ни дать что-то внятное взамен они, конечно, не могли. В итоге — привычная картина: хлопнули дверью и оставили женщину с очередной трещиной в сердце.

И тут — на тебе — судьба подбросила ей Игоря Соболевского. В тот вечер он зависнул в ресторане со своей троицей, она — там же, с подругой, на фоне которой выглядела просто убойно. Беллу невозможно было не заметить: огромные глаза, которыми она отстреливалась по залу в поисках хоть какого-нибудь приличного (ну или не очень) продолжения вечера, и грудь — такая, что платье с её декольте выглядело скорее условностью, чем одеждой.

Разогретый выпитым спиртным, Игорь потерял интерес к болтовне с товарищами и стал шарить зенками по всем особям противоположного пола в зале. На танцующих самочек он всматривался с особым чувством, изучая строение ножек и содержимое вырезов и разрезов на их одеждах.

И тут, о всевышний, она, — целая богиня, несправедливо усаженная за один стол с образиной. Игорь сразу поло-

жил глаз на пышногрудое сокровище и стал ей улыбаться и подмигивать. Женщина, не смущаясь — зачем эти лишние стыдливости? — перешла к активной тактике: она стала неистово бомбить глазками по Игорю, при этом, как бы невзначай, поправляя вырез на платье, чтобы тому было лучше видеть почти нескрываемое содержимое.

Наш герой не выдержал штурма воинственно настроенных гормонов и направился к столику, где сидела дама.

Редко видевшая романтические ухаживания со стороны мужчин, Белла была очарована молодым человеком: своими обходительностью и флиртом красноречием он покорила уши женщины и даже окрылил, чем наполнил ее совершенно новыми ощущениями. Она отвечала ему взаимностью и, растаяв под градом сладострастных признаний казановы, полностью открылась перед ним, словно пестик готовый принять пыльца, ни на йоту не допуская мысли, что перед ней альфонс, который в очередной раз воспользуется тем, что в тот момент в ней пылало ярким костром, но пока еще оставалось недоступным. Не долго думая, она ответила взаимностью — и довольно быстро раскрылась перед ним полностью, даже не допустив мысли, что перед ней классический любитель поживиться за чужой счёт.

С течением времени их страстные встречи перерастали в более стабильные отношения, и Белла взлелеяла надежду заполучить Игоря любой ценой. Но он не был готов к постоянству, и в эти отношения, точнее в их продолжительность,

не верил совсем и поэтому старался держаться от женщины на расстоянии. Он знал, что ни с кем он не мог и не хотел быть подолгу: надоедала однообразность, как он это себе представлял. Поэтому, дабы не попасть в очередной раз в руки собственницы и вовремя уйти, он прикрывался все еще существующими семейными узами. Так он делал всегда — стоило женщине начать тянуть его в сторону ответственности.

Так Белла узнала о существовании Ирины и в душе откровенно ей сочувствовала.

К тому моменту Алексей Соболевский успешно окончил Качинское военное училище и поступил на службу летчиком в одну из воинских частей в глубинке европейской части России. Он был поближе к столице, что не могло его не радовать, ведь он мог чаще посещать родные пенаты. В отличие от брата, который редко появлялся в собственной квартире, он часто туда навещался, ведь это было и его дом.

Помимо отпуска, который случался крайне редко, он командованием летного полка время от времени направлялся в командировки в Министерство обороны. Командир знал, что тот коренной москвич, и что ему нужно чаще видаться с родными, а также лелеял надежду, что старший лейтенант однажды привезет оттуда красавицу-жену.

Ирина была всегда рада приездам Алексея. Он был похож на ее супруга, но только внешне. Как человек, он был совсем другим — заботливым и внимательным. Разделяя чув-

ства сестрички, он тоже всегда радовался встречам с ней и особенно нахождению в ее привлекательном и душевном обществе. Ходил с ней на прогулки, в театры и всячески ей помогал.

Клавдия Дормидонтовна, которая все еще работала вахтером в их доме, но уже с легкой руки новой эпохи приобрела титул консьержки, всячески нахваливала эту пару и любила с ними поболтать — они ей нравились. Ее параноидальная подозрительность куда-то ушла. Времена изменились, и она стала бабушкой-божьем одуванчиком.

Когда Игоря не было дома, не приходили Стаховские, а Алексей уезжал к себе в гарнизон, Ирина часами пропадала у вахтерского стола Клавдии Дормидонтовны и частенько угощала ее своими кулинарными изысками. Та нахваливала ее душевные качества и прочие таланты и называла Игоря дураком, не понимая, как он мог поступать так с бедной девушкой. К Алексею она относилась с уважением и помимо того испытывала особый пиетет к его военной форме. Ирине самой нравился этот лейтенантский мундир — он ему очень шел: в нем Соболевский-младший был просто красавцем, а самое главное — мужественным, надежным и ответственным человеком. В нем таком она распознавала черты своего отца — чем-то он походил на Александра.

В один из таких приездов молодого человека всей родне удалось собраться дома у Соболевских. Даже Игорь, случайно забредший в квартиру, попал на семейное собрание, где

решалось, что и как будет дальше. Выяснилось, что Игорь супруге денег не оставлял, так как ему самому, как он утверждал, зарплаты хватало только на хлеб и воду.

Поэтому Лиза, как наследница квартиры, при полной поддержке Алексея приняла решение продать недвижимость, купить жильё поменьше рядом с домом Стаховских — там при необходимости всегда смогут помочь Ирине, — а оставшуюся часть средств положить на счёт девушки, чтобы та ни в чём не нуждалась.

Конечно, Ирина, забросив журналистскую практику, занялась более доходным делом — выполняла переводы для разных заказчиков. Но много ли можно было заработать в стране, где часто царило беззаконие и только начинали устанавливаться хоть какие-то более цивилизованные правила ведения дел?! Те, кто обращался к ней за услугами, люди далеко не бедные, судя по массивным золотым цепям, дорогим часам и печаткам с бриллиантами, неохотно расставались с деньгами, полагая, что перевод — это так, баловство. А что — сиди себе на диванчике и пиши на здоровье!

По решению семьи Ирина должна была заняться формальностями по продаже квартиры. Алёна, как юрист, и Андрей с его связями вызвались ей помочь. Ставший вторым Дега, он имел с полсотни нужных контактов и свободные деньги. Причём связи были настолько надёжными, что шантрапу вроде чёрных риелторов им троим удавалось легко обойти стороной.

Несмотря на это, дела двигались медленно — бюрократия российских чиновников оказалась похлеще советских кабинетных волокит. Если последние хоть чего-то боялись и на них находилась управа, то первые стали почти неподконтрольными в своих решениях в условиях отсутствия прочной законодательной базы.

Для завершения сделки купли-продажи недвижимости требовались подписи Лизы и двух братьев Соболевских. Лиза приехала в Москву, чтобы подписать документы, и даже Игорь быстро нашёл по такому случаю. Но когда женщина уезжала домой, Игорь вызвался проводить её до вокзала — и снова исчез.

Алексей не мог приехать, так как шли учения, и его эскадрилья должна была вернуться в часть не раньше сентября. Отпуск не предвиделся, как и командировки в Москву. Тогда Ирина решила поехать к нему сама. Она и хотела этого, и одновременно стеснялась, да и немного побаивалась — обстановка в стране была криминогенной.

Поэтому предложение Андрея отправиться на частной машине она восприняла с облегчением. У него самого автомобиля пока не было, зато у друга Иванченко имелся крутой «Гелендваген». Толик общался со Стаховскими и Ириной, так что поездка с ним казалась вполне надёжной. Он производил впечатление вполне адекватного и цивилизованного человека, если не присматриваться к отдельным замашкам, выдававшим в нём простецкое начало, удачно сочетающееся

с повадками «новых русских».

Ирине он не нравился — в нём чувствовалось что-то напыщенно-неискреннее. Человек не до конца интеллигентный будто вырвался в люди и пытался подражать манерам по-настоящему образованных и воспитанных людей. Таких в России было не так много, но и дефицита в них не ощущалось: многие оставались в тени, однако интерес к ним со стороны всяких иванченков постепенно рос.

К тому же Анатолий был слишком навязчив в своём внимании — и к Ирине, и к Алёне. Отшить его по-свойски ни одна, ни другая не могла.

Однажды, угощая его на кухне Стаховских кофе, Ирина в присутствии хозяйки дома была вынуждена прибегнуть к крайним мерам: Иванченко, не реагируя на возмущение обеих женщин, стал откровенно и бесцеремонно распускать руки. Тогда она с отчаяния ударила его сковородой по голове.

Удар вышел мощным и звонким — и откуда только взялись силы у худенькой женщины? Обидчик не устоял и рухнул на пол. Ирина, не выпуская сковороды, заметалась в панике и зачем-то выбежала в прихожую, куда в этот момент тихо вошёл Андрей.

По её испуганным глазам он сразу понял: произошло что-то серьёзное. Девушка металась и повторяла: «Я там человека... бах... вот так...», указывая сковородой в сторону кухни.

Андрей, не разуваясь, поспешил туда. Картина открылась

почти маслом: на полу у плиты лежал человек, а над ним на коленях суежилась и плакала Алёна. Вокруг валялись неудавшиеся, недожаренные творожные оладьи.

Узнав в пострадавшем Иванченко, Андрей не удержался:
— А этот вам сырнички пёк?

— Ты о чём?! — возмутилась Алёна. — Мы его, кажется, убили...

— Как это произошло? — уже серьёзно спросил он.

— Он меня за попу щипать начал, ну я его и огрела сковородой, — коротко пояснила Ирина.

— Этой? — указал Андрей на тяжёлую утварь.

Ирина кивнула, опустив голову.

— Чего стоим? Скорую надо вызывать, срочно! — всполошилась Алёна и ринулась к телефону.

Андрей остановил её, осмотрел пострадавшего и убедился: тот жив, просто в отключке.

Когда Иванченко пришёл в себя, Андрей серьёзно с ним поговорил. Объяснил, что тот сильно перегнул палку и последствия могли быть неприятными.

Чтобы уладить вопрос, Толику предложили «искупить вину» — отвезти Ирину к месту службы Алексея.

— Об чём разговор, — выдохнул Иванченко, обрадовавшись такому исходу.

Напоследок Андрей решил закрепить договор — и для убедительности взял его за грудки.

— Денег с неё не смей брать. Твои товарищи — те, с кото-

рыми ты помимо работы якшаешься, — тебя горячим снабдят.

— Хотел сам предложить, — заискивающе пролепетал Иванченко.

— И чтоб ни-ни... Ни пальцем, ни даже взглядом к ней не прикасался.

— Как можно?! — с нелепой хитрецей в голосе согласился товарищ. — Она же святая.

— Вот то-то. Завтра поступаешь в её распоряжение. Сам позвонишь ей и предложишь отвезти. Уточни день и время выезда. Заранее изучи маршрут.

Глава 2

Ирина ехала в машине рядом с человеком, который ей, что называется, не был симпатичен — уж очень нутро его пахивало какой-то гнильцой. Одно дело — благородная плесень и годами выхоженный умелыми и заботливыми руками винтажный продукт, другое — пришедшее в полную негодность смрадное месиво.

Мельком окинув взглядом гордо восседавшего за рулём водителя в надежде найти опровержение своему неутешительному выводу и не обнаружив ничего, за что можно было бы зацепиться, с мыслью: «М-да... совсем не „Томм-де-Монтань“... скорее плесневелая корочка полузрелого „Попехонского“ от Останкинского молочного комбината», она отвернулась и уставилась в окно, на некоторое время предпочтя своей гнусной критике более приятное, как ей сначала показалось, занятие — рассматривание полузатопленных октябрьскими дождями лугов и щедро заляпанных грязью после уборки осенних даров природы полей.

С десятков секунд ей бы хватило, чтобы перенастроиться, но, не найдя подходящей подпитки, она отвернулась от стекла, по которому щедро разлетались в разные стороны стремительно разрывающиеся струйки воды, уселась ровно и уткнула нижнюю часть лица почти до самых глаз в поднятый воротник пальто. От него исходили ароматы её дома и

едва уловимые нотки полюбившегося парфюма.

Она улыбнулась, и не только от приятных воспоминаний — её волновала предстоящая встреча: как она станет себя вести, что будет говорить, нужно ли возвращаться в Москву вместе с Иванченко в тот же вечер? Ирина испытывала волнение: она совсем не знала, куда едет, что представляет собой гарнизон, где служит Алексей, и как её воспримут в этом, как ей казалось, мужском царстве. Однако мягкая мысль о приближающейся встрече с близким человеком согревала её, непроизвольно вызывая тёплую улыбку.

Время от времени наблюдая за поведением Иванченко за рулём и прислушиваясь к его саркастическим репликам, она отвлекалась от тревожных раздумий и тем самым успокаивалась, понимая, что впереди — офицеры, которые будут вести себя достойно и ответственно. Осознавая, что вынужденное соседство с этим паяцем скоро закончится и она окажется в совершенно иной среде, Ирина повеселела и даже включилась в живой обмен репликами во время остановки на перекус.

— Игорёк твой уехал или как? — завёл свою шарманку Анатолий.

— Или как... — с нажимом ответила компаньонша, давая понять, что задавать такие вопросы неэтично.

— А тебя что в глушь понесло? — не унимался товарищ.

— Везде люди живут. А глушь — это не место. Скорее пустота в человеке, духовный вакуум.

— Если ты про меня, то это несправедливо. И потом, ты же не из Армии спасения?

— Я не святоша. Просто так думаю.

— И охота тебе тащиться за тридевять земель от цивилизации?

— Ты, как пономарь, заладил одно и то же. Цивилизация — не географическое место. Она в голове... Нет, скорее в душе.

— Беспросветная идеалистка. Не понимаешь, как всё устроено.

— Если бы мир работал так, как ты думаешь, его бы уже давно не было. Он держится на вещах и поступках, тебе не очень доступных.

— Зато у меня есть железный конь — мой «Гелик», и едем мы на нём, — язвительно бросил Иванченко и добавил: — А твой где?

— Это главное достижение в твоей жизни? — тонко поддела его Ирина.

— Конечно нет. У меня дом в Жуковке, четыре фирмы в столице.

— Молодец, важными вещами обзавёлся. А с остальным как?

— Например?

— Уважение, дружба, любовь, интеллигентность... совесть, в конце концов.

— Опять ты со своей ветхозаветностью. Интеллигент-

ность? Посмотри на меня — она вся на мне. Костюм от «Бриони», часы «Патек Филипп» за пятнадцать кусков зелёных. А любовь и дружба... они покупаются и продаются.

— Ты главное рот поосторожнее открывай, а то скорлупа с начинкой в диссонанс войдёт. И потом — что же у тебя, такого богатого, ни друзей, ни любви?

— Они не напоказ. Появляются, когда нужны. Я сам решаю, где и кто мне понадобится.

— Крутой ты парень. И жизнь у тебя, смотрю, замечательная — светится и лучится. Оседлал её так, что мчишься уверенно.

— Ну так это ж я. Не какой-нибудь Игорёк или Андрейка. Те маяются, бунтарствуют, вместо того чтобы в теплую реку и плыть по течению. У нас там все по-другому — новый класс зарождается. Встанем на ноги и как всем покажем...

— Не иначе кузькину мать?

— Да мы их всех вот так — и в оборот, — закипел Иванченко.

— Мощно сказано. Главное — убедительно.

— А то.

— И как же называется ваш класс?

Собеседник от неожиданности скривился, наморщил лоб, но достойного ответа так и не нашёл.

— Капиталисты? — не особенно уверенно предложила Ирина. — С опозданием, но всё же. Ты же должен был Маркса конспектировать. Мимо прошло?

— Как можно?! Истмат на отлично сдал.

— Заметно.

— Так не я сдавал. Смекалка нужна.

— Это как?

— Брат Сенька из Тамбова приезжал — мы как близнецы. Он и сдавал. Ему в радость — шарит в этом. В свое время был идейным коммунистом, агитатором. До сих пор по Тамбову ходит, малышню агитирует. По зиме и летом, в основном.

— А весной и осенью чем-то другим занят?

— Обострения начинаются, и его в дурке уже другие агитаторы обрабатывают.

— Бедный парень.

— Да, страдалец. Сам виноват — не смог вовремя перестроиться.

— Ты так весь свой диплом слепил?

— Разумеется нет. Языки учил, в Японию ездил сам на стажировку.

— А-а! Так это тебя туда направили, а не одного из тех, кто был первым по успеваемости.

— А что их направлять? Они ж лохи и потратили бы время абсолютно зря при таких затратах вуза.

— Не поняла, соизволь пояснить.

— Вообще не догоняешь?

С этой фразой Иванченко обсмотрел Ирину с ехидной улыбкой на лице и настолько разволновался, что выронил

остаток сосиски из хот-дога и в попытке поймать ее на лету хорошенько обляпал себя кетчупом. Несграбными ручонками он тщетно размахивал вдогонку уверенно и стремительно летящего вниз лакомого кусочка, тщательно распыляя во круг маркие брызги полужидкого соуса. Ни за что в жизни он не позволил бы себе упустить то, за что было заплачено, тем более не им самим.

Когда мясная закуска успешно хлопнулась оземь, мужчина медленно поднял голову. Его глаза были полны отчаяния, растерянности и обиды — ну как же так, он что-то ценное потерял?! Растяпа повернулся в сторону попутчицы и одалжил ее злобным взглядом, всем своим нутром переводя на нее вину за произошедшее. Однако девушка была не из робкого десятка, поэтому, особо не размышляя, пустилась в наступление с обстоятельной поддевкой.

— Еще сосиску с кетчупом? И соусом на сей раз, чтобы щедро полили?

Собеседник пялился на нее, совершенно не вникая предложению, и молчал. После потерянного куса вкуснятины аппетит у него не на шутку разыгрался, но сознание его заглушало: как можно думать о еде, когда рядом с ним злорадовала над достижениями его жизни отчаянная нигилистка?! Заметно было, как у ротозея мозг разрывался на части: как она, родом из капитализма, не понимала элементарных основ выживания в условиях свободного рынка?! Немного приведя в спокойствие свой мыслительный ор-

ган, он тщательно стер следы от распутешествовавшего по одежде кетчупа, затем влажной салфеткой насухо вытер лицо с той тоскливой обреченностью, с которой заправские артисты смывают тяжелый грим, после чего сел в машину и, уже оттуда, защитившись металлической «крепостью» от вредоносных мыслей попутчицы, вступил в беседу.

— Спасибо, я сыт... В продолжение темы: мой тесть, ну ты о нем знаешь, замечательный человек и всегда помогает мне. Я же живу с его красавицей дочерью. Вот он и подсобил мне стартануть. В Японии я нахапал барахла, что в Москве днем с огнем не сыщешь, ну и скинул хорошим людям по возвращении. А потом все как по маслу. Пошли командировки в капстраны. Затем открыли под меня фирму, потом еще три. МММ рядом не стояла. Так что деньги потоками полились, а я их по банкам и под крышку — пусть знают свое место.

— А чем ты занимаешься? руководишь компаниями?

— Бери выше: я в домике и под крышей. Руководят фирмами и в них работают прокаженные, а мой удел — решать большие дела и пилить бабло.

— Не боишься, что крыша вдруг рухнет?

— Во всем есть риск. На этот случай существует правило: хапай все сразу — завтра могут отрезать, да так, что нажитое не понадобится. Есть еще одно понятие: взял сам — дай другим, не жадничай.

— Это же клептократия какая-то получается.

— Не знаю, что там у тебя получается. А здесь вот так. И

пусть весь мир прогнется под нас. Мы еще ваших малявок под свою дудку плясать заставим.

— Ну ты меня, темную, просветил, благодарю — сразу столько нового узнала. Мне всегда казалось, что сказки про Иванушку-дурачка — ночной делирий богатого на фантазию писателя. Ан нет, вижу поистине устное народное творчество — из уст в уста и до сих пор живо.

— У вас тоже сказки — будь здоров: «Мальчик-с-пальчик», «Красная Шапочка» или «Синяя Борода». Все кроваво-жадное.

— Времена были такие — средневековая дикость и тотальная безграмотность. Одна инквизиция чего стоила. Людей сжигали на кострах. А пытки какие были?! Жуть.

— У нас сейчас почти так же, как у вас в Средние века. Если конкурент появляется, с ним надо разобраться. Методы средневековые. Это все от монголов с татарами. Как пришли — так сразу всю кровь попортили.

— Ты и критиковать свою среду умеешь. Похвально.

— А то. Я еще не то могу... А ты как: сегодня же назад или...?

— Как пойдет. Я в первый раз выезжаю, и тем более в мужское общество. Поживем — увидим.

— Я, если что, гостиничку поищу, пока ты там со своим Ильей Муромцем общаться будешь.

Ирина улыбнулась, явно представив Алексея русским богатырем, в кольчуге и шлеме, и молча села в машину.

Иванченко завел своего железного жеребца и включил магнитолу, чтобы создать фон и не заснуть за рулем. Ирина же после перекуса почти сразу, как тронулись, провалилась в сон и проснулась, когда машина, резко затормозив, остановилась у КПП воинской части, и когда водитель громким голосом объявил остановку емким словом «приехали». Перед девушкой открылся вид небольшого здания, связывающего высокий забор с металлическими воротами, куда входили несколько офицеров. Незнакомые нашей героине люди в униформе выглядели устрашающе, отчего предательские мысли: «А что и как я буду говорить и делать? Как я представлюсь? Что же это я не подготовилась заранее?!» — стали снова нагнетать в ней волнение.

— Ну иди навстречу своему Алеше Поповичу, — подогнал ее, не без смешка в голосе, Иванченко, заметив на лице Ирины тревожное смятение, — а я метнусь гостиницу посмотрю и потом буду ждать тебя здесь, на стоянке.

— Хорошо. Спасибо тебе за то, что привез меня сюда.

С этими словами Ирина вышла из машины и направилась к КПП. От волнения ноги заплетались. Еле дойдя до ступеньки крыльца одноэтажного здания, соседствующего с металлическими воротами на колесиках, она с большим трудом занесла на нее одну, как ей казалось, совсем отяжелевшую ногу — и тут же чуть не была сбита резко открывшейся дверью сооружения.

— Аккуратнее, ты же не медведь, — кто-то, идущий сле-

дом за виновником инцидента, звучно прокомментировал произошедшее, — дамочек красивых сбиваешь.

— Виноват! — громко отчеканил офицер в фуражке и погонах с одной звездой на каждом и, хорошенько разглядев нашу героиню, заулыбался и стал жадно поедать ее глазами.

Следовавший за ним военный поравнялся с провинившимся так, что Ирине удалось переключить свое внимание на него. Обладатель погон с четырьмя звездочками на каждом, он был постарше и пониже первого. Но голос, как решила Ирина, у него был отменный — хоть в церковный хор без прослушивания. И палец, как оказалось, ему в рот не клади.

— Мы вас не зашибли? — начал он.

— Кажется, нет, — обсмотрев себя с головы до ног, поспешила с выводом Ирина.

— А вы кругом, то есть повернитесь задом, пожалуйста, — с задором предложил второй военный, плавно вкрапляя армейский жаргон в общепринятую на гражданке риторику.

— Зачем это? — удивилась Ирина.

— Чтобы убедиться, что вы целы и невредимы, — продолжал активничать громкоголосый офицер.

— Серёга, прекращай балаган, — начал останавливать товарища военный с одной звездой на погонах.

— Странно: он главнее вас, а вы им пытаетесь командовать, — подметила Ирина.

Оба мужчины заулыбались.

— Я что-то не так сказала? — возмутилась Ирина и потом

в недоумении продолжила: — Вы же главный здесь, Серёга, на вас четыре звезды.

Мужчины засмеялись, и это немного задело Ирину. Завидев это, Серёга решил исправиться и объяснить, какую ошибку, совершенно по незнанию, допустила «потерпевшая».

— Видите ли, очаровательная девушка, здесь не отель, а армия, и здесь одна большая звезда майора выше, чем четыре звезды капитана.

— Ах, вот оно что, — повеселела от прозрения Ирина и негромко хихикнула, тем самым сбрасывая с себя остатки волнения. Резко прекратив свою избавительную усмешку, она продолжила: — Значит, Серёга, вы капитан, а вы, как вас величать, не знаю, — майор.

— Толик, — представился старший по званию офицер, — прошу прощения, Анатолий.

— У нас так не принято, дружище, — вмешался капитан, обращаясь к своему товарищу и одновременно к Ирине, — зовите его просто: товарищ майор.

— Отстань ты от девушки со своим солдафонством, — возразил Анатолий.

— Это устав, — пояснил капитан.

— Мы сейчас за пределами воинской части и в ситуации совсем гражданской, так что зовите меня просто Анатолием, — обратился к Ирине майор и продолжил: — И ещё раз извините за то, что вас чуть не зашибли. Не хотели. Мы могли

бы вам чем-нибудь помочь?

— Ой, да, как хорошо — вот вы-то мне и надо, — обрадовалась наша героиня, — я ищу мужчину.

— Тогда вы по адресу, — пошутил Серёга, — здесь подавляющее большинство — мужчины, и процентов семьдесят из нас — холостяки, так что добро пожаловать.

Ирина заулыбалась украдкой, и одновременно от смущения по её лицу непроизвольно скользнул красный румянец.

Завидев это, майор поспешил ей на помощь.

— Не смущай девушку, капитан. А вы не слушайте его — одичал совсем — и опишите того, кого именно вы ищете.

— Я не в брачное агентство случайно попала? — осмелев, начала шутить Ирина.

— А у вас всё хорошо с чувством юмора — похвально, — подчеркнул младший по званию офицер, — и всё же к кому вы приехали?

— Мне нужен Алексей Николаевич Соболевский, — убедившись, что перед ней не прохиндеи, а настоящие военные, начала разглашать секреты Ирина, — не знаю, правда, в каком он звании ходит.

— Так мы это дело мигом решим, — успокоил её майор, — знаем мы вашего Николаевича. Он у нас передовой офицер, старший лейтенант пока, и у него три звездочки. Но если он так и дальше будет беззаветно отдавать себя службе Родине, то скоро, глядишь, и четвертой обзаведется.

Тут Толика перебил его товарищ, обратившись к очаро-

вательной собеседнице:

— А кто он вам?

— Я Ирина Соболевска... Соболевская, — начала своё объяснение издалека девушка.

— Вот как! — искренне изумился майор. — А мы не знали, что наш сослуживец красавицу жену скрывает. Так это он к вам в отпуски ездит и в командировки в министерство напрашивается?

— Не жена я... — начала было пояснять свои родственные связи Ирина, но её тут же прервал капитан.

— Одобряю выбор, молоток Лёха. Такую вторую половинку попробуй найди. Видно, что не из простушек будете и не из провинции. Только разговариваете вы как-то с акцентом, и набор слов, и построение предложений не очень как бы нашенские.

Ирина не хотела вводить в матричное подвисание мозги и без того ошеломлённых мужчин и поэтому не стала рассказывать, кто она такая и почему всё так, как они описали.

Тут рядом, невысоко над троицей, пролетели два самолёта, и наша героиня взметнула свой взгляд на небо, где успела заметить жуткое, серо-зелёного оттенка, цветочное оформление фюзеляжей обоих.

— Да вон он, смотрите сами, — произнёс майор, — гордость нашей эскадрильи, «Беркут», а за штурвалом — ваш Алексей Николаевич.

— Су-37, его ещё «Беркутом» называем, — пояснил капи-

тан, — он только месяц как после испытаний в ОКБ Сухого у нас появился, и на него наших звёзд посадили: начальни-ка эскадрильи и вашего мужа. Сам полковник с ним в небе. Отчаянные ребята — смотрите, что выделывают.

— Позвольте представиться, — продолжил майор, — я командир звена, в котором старлей проходит службу. И могу сказать вам только одно: вы должны им гордиться. Он — настоящий мужик!

По лицу Ирины скользнула улыбка радости от услышанного. А громкие названия самолётов и должностей пустили по её телу мурашки. Ей было очень отрадно слышать самые тёплые слова про человека, которого считала родным и которым гордилась. Равно как и тем, что Алексею удалось пойти по стопам своего дяди и таким образом реализовать свою мечту — стать военным лётчиком. Она пристально всматривалась в небесную даль, в отдаляющиеся в сторону горизонта точки летящих машин, одной из которых профессионально управлял её Соболевский.

Завидев увлечённость Ирины полётом новеньких стальных птиц, майор не решился прервать её, но всё же немного покашлял, дав понять, что ему есть что-то важное ей сказать.

— Прошу прощения, вы, наверное, устали с дороги, только что с поезда, и вам надо отдохнуть.

— Нет, я на машине, товарищ мужа привёз, — пояснила Ирина.

— У вас жизнь прямо кипит, — не разобравшись, поспе-

шил прокомментировать ситуацию младший по званию.

— Отставить, товарищ капитан! — скомандовал майор.
— Девушке надо отдохнуть.

Затем он, немного флиртуя — в кои-то веки в их мужском царстве появилась настоящая красавица, — с улыбкой обратился к собеседнице:

— Алексей живёт в квартире вместе с сослуживцем. Я вас туда сейчас провожу. У вас есть какие-нибудь вещи при себе?

— Спасибо! Да, конечно, у меня небольшая сумка с самым необходимым, — ответила Ирина. — Но она у меня в машине. Водитель поехал искать гостиницу для ночлега, скоро должен сюда подъехать.

— Товарищ ваш пускай ночует где ему захочется, а вы — с Лёхой, — настойчиво определил майор.

Ирина вначале хотела завести пластинку с душещипательным рассказом об особенностях своего родства со старшим лейтенантом и обо всём своём семействе, чтобы тот понял, что Соболевский ей не муж, но затем подумала, что обойдутся эти почти посторонние люди без пикантных подробностей.

— Буду вам благодарна. Как мне вас называть?

— Зовите меня Толиком, — предложил майор. — Вы не в армии, и с вами я общаюсь как с гражданским лицом. Будем на территории части, вы бы ко мне обращались по званию.

— Поняла. У вас свои порядки, и они должны быть такими — на то это и армия.

Как только капитан попрощался, майор увлек за собой Ирину, чтобы показать ей дом, где проживал Алексей. Собеседники были предельно открыты, а атмосфера общения стала настолько теплой, что майор с удовольствием выложил все, что знал о части, и не преминул поведать то, что считал нужным, о себе, семье и немного о профессии. Девушка рассказала ему часть своей жизни, избегая разговоров о родстве с его подчиненным, а также о работе отца и мужа своей сестры — Тадеуша. Ему ни к чему было знать об их работе на страны, которые когда-то были вражескими. Она его щадила, потому что, во-первых, он показался ей очень человечным и отзывчивым мужчиной, а во-вторых, был командиром Соболевского-младшего.

Ирина осторожно, с затаённым волнением, расспрашивала его о том, как складывается служба у старшего лейтенанта. В ответ до неё доносились лишь тёплые, почти восторженные слова, и с каждой такой фразой ей всё сильнее хотелось раствориться в сиянии славы родного человека. Сердце её таяло от гордости за Алексея, наполняясь тихим светом и радостью.

Не в силах удержать это внезапное, светлое чувство, она решила во что бы то ни стало согреть его чем-нибудь добрым — пусть не подарком, но хотя бы маленьким знаком заботы. «Приготовлю-ка я его любимый грибной суп... — мягко

вспыхнула мысль. — Он так этого достоин: вон сколько добрых слов наговорил о нём сослуживец», — промелькнуло в её сознании, как тёплый луч солнца, медленно разливаясь сквозь утренний туман.

По воодушевлённому выражению лица и сверкающему взгляду Ирины, устремлённому в задумчивые небеса, было заметно, что девушка торжественно и легко парила где-то в далёких высях. Ей было совсем не до стесняющих глубин мирской жизни — она не замечала окружающей действительности и почти не слышала рассказа собеседника об особенностях застройки городка.

Вернулась к реальности она как раз в тот момент, когда майор неожиданно и резко вынес свой вердикт:

— Мы попросим его соседа по квартире на время перебраться в общежитие, а вы там поживёте вдвоём. По себе знаю, как тяжело, когда ты здесь, а жена вынуждена жить в другом месте. Моя ко мне недавно перебралась. А вы, наверное, из Питера? Или?..

— Из столицы.

— Вас что-то там держит или боитесь к нам в глушь попасть и здесь закинуть?

— Есть обстоятельства. А так я уверена, что не место крадит человека, а, наоборот, как раз.

— Это такие настроения сейчас ходят в Москве? Раньше туда многие стремились попасть — уехать из регионов и там остаться любой ценой. Как же — апельсины, сырокопчёная

колбаса, туалетная бумага и красные звёзды Кремля...

Ирина заулыбалась — уж очень впечатлили её кремлёвские «астры». Более того, ей импонировал провожатый: в его компании было необычайно легко, так что она напрочь забыла об Иванченко, таком низменном и мелочном. В речах майора было много неподдельного, и сам он казался настоящим — откровенным и не лишённым чувства эмпатии. В её представлении все военные должны были быть непременно такими.

Проникнувшись тёплыми словами об Алексее и невольно представив себе суровую, одинокую жизнь офицеров вдали от жён, она решила остаться в гарнизоне и пока не возвращаться в Москву, а Иванченко отправить обратно. Мысль об отъезде отзывалась в ней отчаянным сопротивлением.

Она почти никого здесь не знала, и всё же это место уже начинало незримо удерживать её, мягко, но настойчиво. Всё вокруг казалось ей приветливым, почти родным, будто принимало её без расспросов и условий.

А там, в Москве, её ждала тишина почти пустой квартиры, ставший чужим, ускользающий между делами и заботами супруг, и тяжёлый, неразобранный клубок проблем, к которому совсем не хотелось прикасаться.

— Толик, а где у вас тут магазин? — вспомнив про недавно посетившую её мысль, неожиданно для собеседника заинтересовалась Ирина, отвлекаясь от холодных воспоминаний о столичной жизни.

— В правильном направлении мыслите, — улыбнувшись, поддержал её собеседник. — Побалуйте лейтенанта домашним. Он у вас мужчина самостоятельный и приготовить горазд, да только сегодня будет как выжатый. У них с полковником ещё один вылет. Так что ваш ужин ему самое то.

— Могу я вас попросить помочь мне с сумками?

— Без вопросов. Для вас — всё что угодно. Вы жена подчинённого, а у нас тут правило: заботиться о тех, кем командуем, и об их семьях.

— Приятно это слышать. Я выросла на тех же принципах. Мой отец тоже когда то был военным.

— В каких войсках он служил?

— Этого я вам, к сожалению, сказать не могу.

Ирина замаялась — не потому, что не хотела посвящать почти незнакомого человека в семейные подробности, а потому, что сама почти ничего не знала о службе отца. Она лишь помнила по его словам и рассказам матери, как он защищал своих подчинённых и помогал им справляться с житейскими трудностями. Но всё это осталось где-то далеко, в тех давних годах, когда она сама ещё пешком под стол маршировала.

Пока они мило беседовали, решение майора было приведено в исполнение без лишней суеты. Сосед и товарищ Алексея — Вадим Стрельцов — оказался человеком на редкость тактичным и понятливым: не задавая лишних вопросов и не пытаясь заглянуть глубже, чем ему позволяли обстоятельства, он спокойно собрал необходимые вещи и вскоре отпра-

вился в общежитие, где для него уже была подготовлена комната для временного размещения.

В отличие от Вадима, Иванченко действовал исключительно в своих интересах — не желая зависеть в ничего не обещающей провинции, тем более встречаться с отчаянным по его мнению романтиком Алексеем Соболевским, он гостиницу даже не пытался отыскать, а планировал тем же вечером возвратиться в Москву, захватив с собой Ирину. Поэтому на стоянке, где они с Ириной договорились встретиться в условленное время, он оказался намного заранее и выкурил не одну пачку «Парламента».

Когда майор показал Ирине место жительства ее родственника, они оба вышли на стоянку, где их, нервно помахивая ногами, торчащими из открытой машины, ожидал Иванченко.

— Анатолий, достань, пожалуйста, мою сумку из багажника, — решительно попросила наша героиня.

Тот лишь ухмыльнулся в ответ, ровным счетом ничего не понимая в происходящем. Он отчаянно покосился на стоящего позади Ирины военного, который своим грозным, мускулистым видом пугал его больше, чем пугало — ворон в огороде.

— Мне надо остаться, — заведя на лице водителя тревожное замешательство, объяснила Ирина. — Быстро не получается решить дела.

Узнав о решении девушки остаться в гарнизоне хотя бы

на несколько дней, он заметно оживился и принялся горячо убеждать её в бессмысленности этого выбора. Он страшил её рассказами об ужасах российской глубинки, рассуждал о грубости и невоспитанности военных, упоминал множество вещей, о которых сам, по сути, имел весьма поверхностное представление.

Она ломала его планы, поэтому в красноречии он разогнался до предела, совсем игнорируя присутствие монстра в форме. И наконец, перейдя на почти истерический тон, он уже не задумывался, рискнёт ли тот начистить ему физиономию. Имей он мизерную толику представления об армии, он мог бы представить, как дорого обошлась бы ему эта горячность, решишь майор одёрнуть его хотя бы слегка.

Ирина совсем не слушала вопли Иванченко. Казалось, защитные силы души на время разговора отключили её сознание, и она широко улыбалась, чем окончательно взбесила собеседника, на что он отреагировал достаточно жёстко.

— Но здесь нет ничего, — нервно отбивая руль несколькими импульсивными ударами кулаков обеих рук, прокричал Иванченко. — А рядом только твоя деревенщина и куча мужланов... А как же Игорёк? Что с ним будет, если он узнает?

— А ничего не будет, — наконец вернувшись в реальность беседы, ответила ему Ирина. — Ему всё до лампочки. И потом, деревенщина — это ты о ком?

— О Лёшке, брате твоего мужа.

— Вот оно что. Да будет тебе известно, он в тысячу раз столичнее, чем ты, и ему не надо напрягаться, чтобы выглядеть, разговаривать и вести себя как подобает аристократу, под которого ты так стараешься косить, но так проваливаешь эту пародию, что просто смешно. Поезжай, пока не стемнело.

— Ну ты дурная.

— Никогда бы не подумала, что данные слова смогут прозвучать как комплимент.

Не однажды окрестив водителя истерящим стручком, до селе не выдавший таких циркопредставлений со стороны представителя сильного пола, майор стоял молча и не ведал, как поступить. Он готов был вытащить разнервничавшегося петрушку из авто и привести его в чувства, но делать этого не стал в присутствии дамы. К тому же вид у товарища был совсем жалкий. Так что тронь он его хоть слегка, вопли бы удесятерились. А этого офицер меньше всего хотел. Бравый вояка, он не знал, как себя вести с кричащими детьми, женщинами и такими отчаянными болванами, как товарищ мужа Ирины. Мотивированный жизненным принципом «не трогать слабых и их защищать», майор стоял подле Ирины как вкопанный, стиснув зубы и сжав в карманах брюк кулаки.

Не однажды окрестив водителя истерящим стручком, до селе не выдавший таких цирковых представлений со стороны представителя сильного пола, майор стоял молча и не ведал, как поступить. Он готов был вытащить разнервничавшегося петрушку из авто и привести его в чувство, но не стал делать

этого в присутствии дамы. К тому же вид у товарища был совсем жалкий. Так что тронь он его хоть слегка — вопли бы удесятились. А этого офицер меньше всего хотел.

Бравый вояка, он не знал, как себя вести с кричащими детьми, женщинами и такими отчаянными болванами, как товарищ мужа Ирины. Руководствуясь жизненным принципом «не трогать слабых и защищать их», майор стоял подле Ирины как вкопанный, стиснув зубы и сжав в карманах брюк кулаки.

Не видя выражения лица стоящего в абсолютном молчании позади неё офицера, Ирина тем не менее ощущала внутреннее напряжение, которое его переполняло.

Поняв, что пора ставить финал в столь затянувшемся дурном спектакле, она без слов направилась к багажнику, тем самым показывая водителю, что единственно правильным будет достать багаж и распрощаться. Иванченко уловил сигнал и бросил скупое: «Там открыто», — предлагая таким образом «оруженосцу» самостоятельно извлечь из багажника сумку Ирины.

Пока майор доставал поклажу, девушка коротко и очень сухо поблагодарила водителя за помощь и попрощалась. Она не хотела тратить время попусту: в любую минуту домой мог прийти Алексей, уставший после полётов.

К шести вечера всё на кухне было готово к ужину. По совету майора она выставила небольшой графинчик с водкой. На завтра у Алексея намечался выходной, и Ирина сгорала от

желания дать ему возможность немного расслабиться. Она считала своим долгом помочь ему почувствовать заботу и отдохнуть после тяжёлой службы.

Глава 3

Строгий, почти безжалостный взгляд пилота попеременно въедался в индикаторы и дисплеи приборной доски. Глаза жадно ухватывали различные показания, оперативно сопоставляя и анализируя данные. Всё шло отлаженно в такт стремительному движению управляемой им стальной птицы — легко ли управляться с летательным аппаратом на скорости тысяча сто километров в час, особенно когда под тобой дерзко и беспокойно маячит кромка земли на фоне безграничного неба?!

Там, высоко в голубой бездне, скорость гораздо выше, но ощущается совсем не так, как при приземлении. Боковым зрением обнимаешь леса, поля и луга, небольшие поселения и большие города и понимаешь, что динамика техники временна и посему меркнет перед безграничным движением твоей планеты, ценность и значимость которой придают люди со своими заботами и чаяниями, тревогами и радостями. Постепенно сбрасываешь скорость и ощущаешь, как с каждой секундой приближаешься к ним, и радуешься сопричастности к замечательному роду человеческому. И, наконец, она — небольшая бетонная полоска твоего мира, словно манящая к себе распростёртая ласковая рука заботливой матери, стремящаяся из всех сил принять тебя в тёплые объятия.

— Курс сто десять, — дал команду строгий голос в наушниках пилота «Беркута».

— Есть курс сто десять, — громко и чётко подтвердил в микрофон старший лейтенант Алексей Соболевский и уже через восемь секунд сделал запрос диспетчеру: — Тагил, я семьсот тридцать пятый, разрешите посадку.

— Семьсот тридцать пятый, посадку разрешаю, — ответили по радию.

— Семьсот тридцать пятый, шасси выпустил.

Всего через десять секунд, когда машина со свистящим звуком, похожим на «металлический вой», сцепилась с покрытием посадочной полосы, издав неистовый грохот от удара шасси о бетон и произведя отчаянный «хлопок» и шуршание раскрывающегося купола парашюта, лётчик продолжил комментировать:

— Семьсот тридцать пятый на пробеге, парашют вышел.

А ещё через пятнадцать секунд всё тем же серьёзным голосом пилот подвёл черту под отчётом:

— Семьсот тридцать пятый полосу освободил.

Самолёт, плавно отпуская затихающий гул двигателей, замер на отведённой для него стоянке. Сидя в машине и анализируя завершённый полёт, Алексей, одновременно уставший и радующийся возвращению в родную воздушную гавань, поспешно щёлкнул тумблерами, обесточивая боевые системы, и фонарь с шипением пополз вверх и назад, беспощадно размывая привычную окружающую действительность

в смеси запахов керосина, горячего металла и свежего воздуха. Старлей расстегнул привязные ремни, приподнялся, освободил себя от кислородной маски, аккуратно повесил её на шлемофон и сделал глубокий вдох. Вылеты завершены, и день состоялся.

Спрыгнув на бетон, пилот после 9G-манёвров, прижавших его к креслу, почувствовал себя не в своей тарелке — непривычным делом оказалось не то, что ходить, — стоять на ногах. Постепенно приходя в себя после резкой смены обстановки — из замкнутого пространства цифровой кабины в открытое пространство аэродрома, — Алексей снял шлем и поправил волосы, не переставая с трепетом рассматривать футуристично выглядящего «чёрного хищника», которого пытался каждый раз укротить в небе.

Момент любования «Беркутом» быстро подошёл к концу, аккуратно когда из-за хвоста стальной птицы вынырнул полковник. Тот быстрым шагом маршировал по направлению к лётчику и всем своим видом внушал ему не столь поэтическое вдохновение, отчего подчинённый быстро пришёл в себя и, дабы создать хоть сколько-нибудь внешней защиты от грозного начальства, запустил правую руку в волосы и стал их энергично взъерошивать, как бы осушая голову от выпившего под шлемом пота.

Затем, переведя дыхание, он выпрямился по стойке «смирно», всё как по уставу, чтобы принять удар и выслушать «мнение» командира эскадрильи.

— Товарищ полковник, старший лейтенант Соболевский задание выполнил, — по форме отчитался пилот.

— Отличная работа, — начал полковник издалека и едко добавил, — в целом. Благодарю вас, старший лейтенант Соболевский!

«Сейчас начнётся», — молнией мелькнуло где-то глубоко в сознании у Алексея, и он в выводе не ошибся. Полковник, жадно заглотив изрядную массу воздуха, наконец не на шутку разошёлся.

— Ручонкой по своему ёжику на балде елозит, понимаешь ли, — взревел командир.

Соболевский опустил голову, как провинившийся пастух, потерявший всю отару овец, отчего полковник ещё больше входил в раж и продолжал выкрикивать, но уже по существу дела:

— Пилотаж на грани хулиганства! В штопор мог сорваться. Удивить хотел своей лихостью? Интересно, кого больше — меня или себя?

Услыхав, что, в принципе, вся ругань старшего по званию была от переживаний за его жизнь, старлей поднял голову и готов был с достоинством выслушивать справедливую критику очень опытного профессионала — непревзойденного небесного аса. Видя это, начальник перевёл дух и продолжил уже спокойным тоном.

— В общем, молодец — вот так и надо действовать в настоящем бою... Сам таким горячим был в свои двадцать

пять.

— Товарищ полковник, я всего..., — начал Алексей, но комполка его прервал, не дав договорить.

— Отставить разговоры, старший лейтенант. Знаю, что ты хочешь сказать. Я ж насквозь тебя вижу.

Алексей заулыбался, принимая слова командира как высшую похвалу и самое откровенное признание. Ему было по-настоящему приятно, что его понимают, и не нужно распыхиваться словами для объяснений.

— Пойдём в кафе и посидим после нелёгкого дня, — неожиданно предложил полковник, — завтра у тебя выходной, так надо его достойным образом встретить.

Подчинённый немного опешил, но отказываться не собирался. Побывать в компании с человеком, которого безмерно уважал и у которого многому учился и профессионально, и в человеческом плане, было для него огромной честью. Начальник нутром всё чувствовал и разумом понимал, что происходило на душе у его лучшего молодого ученика.

Одноэтажное здание офицерского кафе в самом центре городка своей современной архитектурой, по сэвовской дружбе навязанной советскому обывателю чехословацкими строителями в конце восьмидесятых, привлекало разного рода посетителей — от штатного военного персонала до гражданских лиц, проживающих и работающих в гарнизоне.

Нередко сюда наведывались гости, посещавшие родственников из числа местных, а также гастрономические экскур-

санты из районного центра. Всех манило скорее не конструкция постройки чешской национальности, а целых три вида вкуснейшего пива, гордящегося тем же самым происхождением, и, что немаловажно, знаменитые на весь здешний край блюда, приготовленные мастерами кулинарного искусства. Роскошные белорусские драники, украинский борщ, полтавские галушки и венский шницель удачно короновались краковским пирожным. Вместе с не менее изысканными закусками к пенящемуся жидкому хлебу подавались немецкие флипсы, турецкие фисташки и балтийские рыбные соленья и копчения. Всё вместе они напрочь разбивали мононациональное предпочтение чешским традициям.

Из всех уголков бывшего Союза сюда стекались ручейки родных и близких, чтобы за радушными дубовыми столами поучаствовать в оживлённых семейных или товарищеских беседах, отгулять весёлые свадьбы, оплакать усопших родственников, друзей или знакомых, ну и как следует проводить на пенсию достойных людей. В отличие от подобных заведений на гражданке, здесь не практиковали кулачное вольнодумие, и не мерялись ножевой или огнестрельной силой новоиспечённые гангстеры.

Здесь не было продажи дополнительных услуг для состоятельных мужчин — в меню любовь никак не входила. Гарнизон всё ещё сохранял верность благородным традициям офицерства и отторгал всяческие позывы окружения превратить это замечательное чувство в обычную материальную

ценность. Утехи и удовольствия были здесь совершенно бескорыстными, и если кто-то с кем-то и рассчитывался, так это отражалось не на кошельке, а на теле: подбитый глаз, вывих руки, ну и совсем редко — порезанный живот. Ревность сподвигала на такие поступки, отнюдь не жажда наживы. И потом, наживёшься на увечье товарища или подруги?! Радовало только то, что такие «расплаты» случались крайне редко, выносились на обсуждение в штабе полка и порицались местной общественностью. Шила в мешке было не утаить, а посему в городке действовала этическая и моральная саморегуляция. За «провинившимся» или «провинившейся» прочно закреплялось клеймо для шельмования и, не предавая традиций Средневековья, передавалось из уст в уста и из поколения в поколение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.